

Чем объяснить долговечие раскола?

Опубликовано:

Христианское чтение. 1871. № 3. С. 516-563.

ЧѢМЪ ОБЪЯСНИТЬ ДОЛГОВѢЧІЕ РАСКОЛА?

13-го мая 1867 года исполнилось 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови, возставшіе противъ церковныхъ преобразованій патріарха Никона и получившіе, вслѣдствіе опредѣленія Московскаго собора 1666—7 года, оффиціальное названіе раскольниковъ, отдѣлились отъ церкви, разошлись съ властію свѣтскою, стали во враждебное отношеніе къ православному обществу и начали жить своею особою, самостоятельною жизнію. Мы не знаемъ, съ какими чувствами расколь праздновалъ свой двухсотлѣтній юбилей,—радовался ли онъ своему долговѣчію, или, подведя итогъ всему, что онъ вытерпѣлъ въ теченіе двухъ вѣковъ, скорбѣлъ о прошломъ и томился неизвѣстностію будущаго; но, кажется, можно сказать, не нарушая правды, что для православной власти и православнаго общества указанное событіе едва-ли можетъ служить предметомъ радости и чести. Въ самомъ дѣлѣ, два вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ русское благочестіе и русское православіе раскололись на двѣ, хотя и неравныя, части, и, не смотря на то, что обѣ половины преслѣдуютъ одну и ту же цѣль—вѣчное спасеніе,—недора-

зумѣніе между ними не только не прекратилось, но въ теченіе двухъ столѣтій еще усилилось и количественно и качественно. Расколъ, считавшій на первыхъ порахъ своихъ послѣдователей сотнями тысячъ, въ настоящее время, говорятъ, имѣетъ на своей сторонѣ цѣлые милліоны ревнителѣй мнимой старины. Православіе, видѣвшее въ расколѣ, въ первые годы его существованія, только нѣкоторыя обрядовыя неправильности, встрѣчаетъ теперь въ немъ цѣлую систему лжеученія съ еретическимъ характеромъ. Власть свѣтская, скучавшая во второй половинѣ XVII столѣтія отъ многочисленныхъ челобитныхъ, которыя слали ей со всѣхъ сторонъ послѣдователи древняго благочестія — съ вѣрнопопданнѣйшими заявленіями своихъ желаній, — въ XIX вѣкѣ случайно наталкивается на такихъ ревнителѣй старины, которые съ запальчивою искренностію фанатиковъ объявляютъ на формальныхъ допросахъ слѣдующее: «подъ сводъ законовъ не подхожу, потому что Государь—раскольникъ, христіаниномъ его не признаю, потому что онъ отсталъ отъ истинной вѣры, и потому власти его не подчиняюся; за Царя Бога не молю и молитъ не стану». (1) Нельзя сказать, чтобы во всемъ этомъ не было своего рода прогресса, хотя трудно согласиться, чтобы православная власть и православное общество могли радоваться такому движенію впередъ со стороны раскола.

Въ чемъ же однако дѣло? Вѣдь расколъ, какъ говорятъ и пишутъ, есть ничто иное, какъ окаменѣлый остатокъ старины, древняго благочестія и древняго обрядоваго безнарядья, о которыхъ новое благо-

(1) Кельсіев. вып. IV, стр. 285—6.

честіе дало въ 1667 году соборный отзывъ, какъ о «простотѣ и невѣжествѣ»; отдѣлился онъ отъ церкви не въ слѣдствіе *движенія* въ какую нибудь *свою* сторону отъ теченія общей исторической жизни церкви, а именно въ слѣдствіе своей косности, неспособности слѣдовать за жизнью церкви (1). Какимъ же образомъ это косное, окаменѣлое невѣжество, не смотря на всѣ заботы власти о его прекращеніи, не только живетъ вотъ уже болѣе 200 лѣтъ, но и прогрессируетъ въ приобрѣтеніи себѣ послѣдователей, въ развитіи своего ученія и въ отрицательномъ отношеніи къ православной власти и православному обществу? Гдѣ причины этого, по видимому, страннаго явленія? Не говоря о многомъ другомъ, намъ думается, что *главная* причина продолжительнаго существованія и даже усиленія раскола заключается въ самыхъ мѣрахъ, какія употребляемы были для его уничтоженія.

Прежде всего извѣстно, что противъ раскола, возставшаго противъ церкви *изъ-за вѣры*, власть, съ самаго начала его существованія, стала употреблять не только слово вразумленія, но и наказанія по «градскому» закону. Московскій соборъ 1667 года, окончательно осудившій расколъ и изрекшій на него анаѣмю, въ то же время опредѣлилъ, что «еретики и раскольники не токмо церковнымъ наказаніемъ имуть наказатися, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казеніемъ» (2). Мы не станемъ входить здѣсь въ сужденіе о томъ, на сколько указанное опредѣленіе собора соответствовало духу евангелія и

(1) Руковод. къ русск. церк. истор. Знаменскаго, Казань 1870 г. стр. 302.

(2) Полн. собр. зак. т. 1, № 412, стр. 706.

любви христіанской, — современное общественное сознание не нуждается въ этомъ, — мы хотимъ только указать на то, къ какимъ практическимъ результатамъ должно было повести такое отношеніе власти къ расколу.

Гоненіе, воздвигнутое свѣтскою властію на расколь, было причиною того, что послѣдователи древняго благочестія, не желавшіе понасть на костеръ, или по меньшей мѣрѣ — лишиться ноздрей, языка и проч., — одни бросали матушку Русь и бѣжали за границу, за рубежи Шведскій, Польскій, въ Крымъ, на Кавказъ, въ Сибирь, въ Яполію, — всюду, гдѣ только надѣялись укрыться отъ вниманія власти. другіе, не ожидая, когда ихъ поведутъ на огненную смерть, сами строили костры и сожигались, а если почему либо нельзя было устроить костра, врывались въ печи, бросались въ воду, рѣзались ножемъ и умирали другими насильственными способами. По видимому, это разсѣяніе раскольниковъ по разнымъ зарубежнымъ странамъ и добровольное умерщвленіе себя, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствовало цѣлямъ правительства, рѣшившагося уничтожить расколь. Число послѣдователей старины на Руси святой сокращалось и, если вѣрить раскольникамъ, «многочисленными тысящами». Но если находятся лица, которыя позволяютъ себѣ печатно заявлять, что «лучше было бы, если бы раскольники *всѣ* направили тогда стопы свои за границу, — убытку бы государству отъ нихъ не было, а церковь оставалась бы покойною»⁽¹⁾, — за то власть, неоднократно приглашавшая раскольниковъ возвратиться изъ-за границы и иногда даже силою принуж-

(1) Пароній, Опроверж. записки стр. 118.

давшая ихъ къ этому, очевидно, смотрѣла на бѣгство раскольниковъ за рубежъ нѣсколько иначе. Что же касается тѣхъ писателей, которые въ раскольникахъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованій за границу, видятъ «піонеровъ русской народности, содѣйствовавшихъ какъ обрусѣнію окраинъ государства, такъ и пріобрѣтенію Россіею новыхъ областей», и на этомъ основаніи мечтаютъ даже о томъ, что рано или поздно Австріи придется поплатиться за Бѣлую Криницу тѣмъ же, чѣмъ Польша заплатила Россіи за Вѣтку (1); то въ виду тѣхъ явленій, какія совершаются въ *наши дни* на нашихъ *обрусѣлыхъ* окраинахъ, трудно признать за раскольниками такую почтенную роль. Наконецъ военныя команды, постоянно разсылавшіяся правительствомъ для удержанія раскольниковъ отъ саможигательства, а на самомъ дѣлѣ только усиливавшія фанатизмъ ревнителей древняго благочестія, показываютъ, что и самоумерщвленіе раскольниковъ не входило въ планъ власти, хотѣвшей «градскими казненіями» задавить расколъ.

Впрочемъ, если бы кто либо, при помощи фантастическихъ предположеній и соображеній, и сумѣлъ доказать, что преслѣдованіе раскольниковъ свѣтскою властію, заставлявшее ихъ бѣжать въ чужіе края, или сжигаться дома, было дѣйствительнымъ средствомъ къ *количественному* уменьшенію послѣдователей древняго благочестія, — мы укажемъ въ такомъ случаѣ на *качества*, пріобрѣтенныя расколомъ, подъ вліяніемъ воздвигнутыхъ на него свѣтскимъ правительствомъ гоненій.

(1) Андреевъ, расколъ и его значеніе въ народн. русск. истор., стр. 225 и VI.

Уже то обстоятельство, что одни изъ раскольниковъ, благодаря преслѣдованіямъ, разставались съ отечествомъ, которое такъ любить русскій человекъ, бросая на произволь судьбы дома свои и все, что нажито было въ нихъ тяжелымъ трудомъ, а другіе, изъ опасенія попасть въ руки агентовъ власти и измѣнить своимъ вѣрованіямъ, жгли себя и рѣзали,—достаточно говорить о томъ, на сколько былъ возбужденъ религіозный фанатизмъ диссидентовъ и какъ дороги сдѣлались для нихъ убѣжденія, за которыя ихъ преслѣдовали. «Не та вѣра (истинна), которая мучить, а та, которую мучать»,—вотъ какіе афоризмы стали слышаться въ средѣ гонимыхъ, и они ясно показываютъ, что ссылки, рѣзанія языковъ, сожженія и проч. дѣйствительно убѣждали заблуждающихся... въ справедливости ихъ вѣрованій. Бѣжавшіе за рубежи, а тѣмъ болѣе добровольно сожигавшіеся на кострахъ являлись въ глазахъ остальной массы страдальцами и мучениками за вѣру, слово которыхъ дѣлалось закономъ для толпы (1). А эти «мученики» никогда не упускали случая, въ виду пытокъ и огненной смерти, дать какое либо завѣщаніе своимъ послѣдователямъ. «Вотъ будете этимъ крестомъ молиться, говорилъ Аввакумъ собравшейся толпѣ уже съ подоженного костра, указывая на двуперстіе,—во вѣкъ не погибнете, а оставите его,—городокъ вашъ (Пустозерскъ) погибнетъ, пескомъ занесетъ, а погибнетъ городокъ,—наступитъ и конецъ свѣту» (2). Эти грозныя слова, произнесенныя съ страшнаго эшафота, конечно, не могли пройти безслѣдно. Надъ мѣстомъ казни Аввакума раскольники поставили крестъ, на-

(1) Дом. бытъ русск. царицъ Забѣлина. стр. 119.

(2) Есипов. т. 1, стр. 117.

писали икону расколуучителя и стали поклоняться ей, какъ святыньѣ. А такъ какъ число подобныхъ «страдальцевъ» за вѣру, казенныхъ такъ или иначе въ разныхъ мѣстахъ, было не мало, или, скажемъ словами раскольниковъ, «не толикое множество зайцевъ, увязшихъ въ ловитвенныхъ тѣнетахъ, видяшеся, елико повѣшенныхъ, сожженныхъ и другимъ образомъ замученныхъ за древнее благочестіе зряшеся»; то въ скоромъ времени явились у раскольниковъ, такъ называемые, мартирологіи, въ родѣ Виограда Россійскаго, чтеніе которыхъ дѣйствовало на массы народа гораздо сильнѣе, чѣмъ разные Жезлы правленія, Увѣты духовные и проч., чѣмъ даже—«градскія казненія».

Былъ и еще результатъ отъ «градскихъ казненій», которымъ подвергли раскольниковъ во второй половинѣ XVII столѣтія. Пока свѣтское правительство не объявило себя окончателъно на сторонѣ новыхъ церковныхъ порядковъ, заведенныхъ патріархомъ Никономъ и утвержденныхъ соборомъ 1666—67 г., ревнители старины вели свои счеты и споры о «древнемъ благочестіи» съ одною властію церковною, которую считали единственною виновницею мнимой перемѣны вѣры, и относились къ власти свѣтской почтительно. Совершенно другое видимъ мы въ расколѣ послѣ того, какъ свѣтское правительство, по указанію власти церковной, взялось не за свое дѣло и стало казнить и вѣшать людей, которыхъ нужно было только учить и вразумлять. Какъ ни «просты и ни невѣжественны» были, по мнѣнію собора, защитники старины, тѣмъ не менѣе и они понимали, что «царю»—будемъ говорить далѣе словами раскольниковъ—«слѣдуетъ только подати и оброки собирать, а въ духовныя дѣла вмѣ-

шиваться не слѣдуетъ», что «духовное духовными разсуждается», и потому «нѣтъ надобности мученіемъ приводить въ вѣру, по подобію языческому»,—что «какъ архіереямъ неприлично входить въ распоряженіе войскомъ, такъ и государю не слѣдуетъ касаться до вѣры» (1). А слѣдствіемъ такого разсужденія было то, что раскольники дѣйствія свѣтской власти, направленные противъ нихъ, признали не только незаконными, но даже богопротивными, антихристіанскими, и, потерявъ уваженіе къ правительству, сдѣлались врагами не только церкви, но и государства,— «батюшка» — Царь превратился въ сознаніи заблуждающихъ въ мучителя, даже въ антихриста, съ которымъ можетъ быть только одинъ счетъ — борьба на жизнь и смерть, или, если не достанетъ силъ на это, — бѣгство: куда глаза глядятъ, лишь бы только не попасть въ его руки. И вотъ начинается съ одной стороны передвиженіе раскольниковъ изъ городовъ и селъ въ лѣсныя трущобы, — съ другой, при встрѣчѣ скопищъ раскольническихъ съ агентами власти, завязываются схватки, иногда даже оканчивавшіяся успѣхомъ со стороны заблуждающихъ. На сколько подобныя явленія, вызванныя строгими мѣрами противъ раскола, содѣйствовали его ослабленію и уничтоженію, понять не трудно. Лѣсные скпталъцы тѣмъ съ большею свободою и энергіей проповѣдывали въ пользу «древняго благочестія», чѣмъ дальше находились они отъ правительственнаго надзора, лишавшаго ихъ спокойной жизни въ брошенныхъ домахъ; а рѣшавшіеся отстаивать свои вѣрованія силою, съ оружіемъ въ рукахъ, и, разумѣется, въ большинствѣ случаевъ, при напорѣ

(1) Кельсіев. вып. I, стр. 211.

неравныхъ силъ, сожигавшіеся, или умиравшіе другими способами, только увеличивали число раскольничьихъ мучениковъ и святыхъ. И вотъ какіе либо выходцы Соловецкіе, діаконъ Игнатій, иноки Германъ, Іосифъ и другіе, бродившіе вмѣстѣ съ своими послѣдователями по Поморью съ ружьями, пищалями, бердышами и подобнымъ оружіемъ и послѣ схватокъ съ стрѣльцами сожигавшіеся (1), также попадали въ раскольничьи мартирологіи. Но главное зло, какое произошло отъ преслѣдованія раскола свѣтскою властію, состояло въ томъ, что раскольники, и прежде видѣвшіе въ церковныхъ преобразованіяхъ новшества, ересь, — теперь, благодаря вмѣшательству въ это дѣло свѣтской власти, окончательно убѣдились въ неправославіи церкви и ея ученія, для поддержки котораго будто бы потребовалась внѣшняя помощь. Извѣстна въ этомъ смыслѣ энергическая рѣчь «богатыря» протопопа Аввакума. «Чудо, писалъ онъ, огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею хотять вѣру утвердить! которые-то апостолы научили такъ? не знаю. Мой Христосъ не приказалъ нашимъ апостоламъ такъ учить, еже бы огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицею въ вѣру приводить. Но Господемъ рѣченное ко апостоламъ сице: *шедше въ міръ весь проповѣдите евангеліе всей твари, иже въру иметъ и крестится. спасенъ будетъ*. Смотри, слышателью: волею зовегъ Христосъ, а не приказалъ апостоламъ непокоряющихся огнемъ жечь и на висѣлицѣ вѣшать. Татарскій богъ Магметъ написалъ въ своихъ книгахъ сице: «непокоряющихся нашему преданію и закону повелѣваемъ главы ихъ мечемъ подклонити», Нашъ Христосъ своимъ ученикамъ

(1) Истор. русск. раск. преосв. Макарія, стр. 252-4.

никогда такъ не повелѣвалъ; а тѣ учителя явны яко и сами антихристы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предають: но вѣрѣ своей и дѣла творять таковы же» (1). Какими послѣдствіями для православія должны были сопровождаться подобныя рѣчи расколоучителей, понять не трудно. Расколъ росъ не по днямъ, а по часамъ, послѣдователи его сплачивались между собою тверже и крѣпче, пока наконецъ не образовали изъ себя силы, противъ которой уже безсильны стали всевозможныя гоненія.

Такимъ образомъ преслѣдованіе раскольниковъ свѣтскою властію — съ цѣлію уничтожить расколъ не только не достигало предположенныхъ результатовъ, напротивъ отдаляло отъ нихъ. И это весьма естественно. «Къ признанію истины, писалъ митрополитъ Платонъ въ своемъ «Увѣщаніи», никого силою принудить нельзя и дѣло обращенія человѣческаго сердца есть дѣло самаго Св. Духа» (2). «Тѣмъ, которые думаютъ, скажемъ словами Маколен, что правительство должно употреблять силу для распространенія истины, необходимо помнить, что заблужденіе, немогущее соперничать противъ истины, стоящей одиноко, нерѣдко оказывается болѣе, чѣмъ соперникомъ, — оказывается побѣдителемъ, когда истина опирается на виѣшнюю силу» (3). И дѣйствительно, припоминая разные моменты изъ исторіи раскола, невольно убѣждаешься въ справедливости словъ знаменитаго историка. Такъ напр. въ прошлое царствованіе правительство, задавши мысль — обратить поповцевъ въ православіе,

(1) Житіе Аввакума, стр. 93 4.

(2) Увѣщан. л. 82 об.

(3) Прав. обзор. 1861 г. янв., стр. 102.

стало энергически преслѣдовать, такъ называемыхъ, бѣглыхъ поповъ, безъ которыхъ поповщина не мыслима. Мѣры власти были такъ строги и приводились въ исполненіе съ такою настойчивостію, что, казалось, поповщинскій расколъ, за недостаткомъ бѣглыхъ поповъ, долженъ былъ исчезнуть. А между тѣмъ въ то самое время, какъ ловились послѣдніе бѣглые попы, явилось въ поповщинѣ не только священство, но даже архіерейство въ лицѣ разныхъ Кирилловъ, Антоніевъ и др., которые въ наши дни и почти на нашихъ глазахъ созываютъ вселенскіе раскольничьи соборы...

Правда, исторія свидѣтельствуетъ, что строгія гражданскія мѣры противъ ересей и расколовъ *иногда* достигали цѣли; но это бывало только тогда, когда ересь, или расколъ, являлись въ томъ или другомъ обществѣ, какъ новость, и, не находя себѣ сочувствія въ массахъ народныхъ, ограничивались только небольшимъ числомъ послѣдователей, которыхъ поэтому можно было переловить и засадить въ темницы, или даже казнить. При другихъ совершенно условіяхъ явился нашъ русскій расколъ. Когда на Московскомъ соборѣ 1667 г. нѣкоторые церковные обряды, существовавшіе при предшественникахъ Никона, были объявлены неправильными и лица, державшіяся этихъ обрядовъ, признаны раскольниками, — расколъ явился у насъ не какъ новость, а какъ остатокъ прежняго, хотя и невполнѣ правильнаго, порядка церковной жизни и практики, и на сторонѣ его оказались все, кто свыкъся съ этимъ порядкомъ и не хотѣлъ перемѣнить его на другой. Значить, безъ преувеличенія можно сказать, что въ самую первую пору жизни рас-

кола послѣдователей его, особенно въ низшихъ классахъ общества, было много, и даже очень много. Не даромъ же Алексѣй Михайловичъ еще въ 1666 г. жаловался отцамъ собора, что приверженцы прежняго порядка вещей были не только въ Москвѣ, но и въ «различныхъ царствіяхъ Богомъ ему врученнаго странахъ, градѣхъ и весѣхъ» (1). А по другимъ свидѣтельствамъ, двуверстія, которое въ ту пору болѣе всего и считали знакомъ расколыничества, не держались «едини точію зѣло престарѣлые люди» (2), да и то не все; все же молодое поколѣніе крестилось въ первые годы патриаршества Никонова двуверстно. А послѣ этого естественно было ожидать, что война, объявленная правительствомъ расколу, будетъ упорна и даже бесполезна, что и случилось.

Впрочемъ, если бы свѣтская власть, взявшая на себя защиту православія и объявившая войну расколу, была послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ, быть можетъ, расколъ въ теченіе 200 лѣтъ и пошатнулся бы. Постоянство въ мѣрахъ, быть можетъ, внушило бы заблуждающимъ мысль, что рано или поздно, а уступить необходимо, потому что на сторонѣ правительства, кромѣ внутренняго убѣжденія въ правотѣ защищаемаго дѣла, была еще виѣшняя сила, которой разсѣявшійся по разнымъ странамъ расколъ не имѣлъ. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Испытавши неудачу мѣръ строгихъ, карательныхъ, власть съ теченіемъ времени начинаетъ смягчать свои распоряженія и иногда доходить до прямой поблажки расколу; а потомъ, раздраженная какими-либо частными, случай-

(1) Дополн. къ акт истор. т. V, стр. 445.

(2) Игнаг. Tobol. III посл. гл. 13.

Хр. Чт. № 3. 1871 года.

ными дѣйствіями изувѣровъ, снова обращается къ строгости и простираетъ свое неблаговоленіе на весь расколъ.

При Алексѣѣ Михайловичѣ, Феодорѣ Алексѣевичѣ и въ правленіе Софіи Алексѣевны раскольниковъ бьютъ батогами и кнутомъ, лишаютъ языковъ, жгутъ и вообще, по выраженію одного указа, «казнятъ смертію безъ всякаго милосердія» (1). Петръ 1, объявившій въ манифестѣ 1702 года, что онъ, «по дарованной ему отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаетъ и охотно предоставляетъ каждому христіанину на его отвѣтственность нецѣсь о блаженствѣ души своей» (2), и дѣйствительно въ первые годы своего царствованія оставлявшій раскольниковъ въ покоѣ и даже принимавшій отъ нѣкоторыхъ изъ ихъ разнаго рода «гостинцы» (3), — къ концу своей жизни, подъ разными внушеніями и вліяніями, призналъ заблуждающихъ «лютыми непріятелями, непрестанно государству и государю зло мыслящими» (4), и дѣйствія ихъ причислилъ «къ злодѣйственнымъ» (5); а для того, чтобы эти злодѣи не могли причинить какой либо «напасти» государству, нарядилъ ихъ въ шутовской костюмъ, дабы все раскольники были у него и у всѣхъ на виду и на счету, не теряясь въ общей массѣ, взимая однакожь за право носить такой костюмъ деньги, и въ концѣ концовъ дошелъ до того, что, лишивъ раскольниковъ права на общественныя должности «даже до послѣдняго на-

(1) Полн. собр. заков. т. II, № 1102.

(2) Полн. собр. зак. IV, № 1910.

(3) Есицов. т. I, стр. 290 и др.

(4) Реглам. ст. о шір. ч. 6.

(5) Собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. I, стр. 99.

чала и управленія», сталъ приглашать ихъ въ Преображенскій приказъ и въ Тайную канцелярію резолюціями такого содержанія: «а другаго Іону пытать до обращенія, или до смерти, ежели чего по расколу не явится» (1), и все это за то только, что Іона не хотѣлъ повѣрить, чтобы керженскіе раскольники добровольно отrekliсь предъ Пцитиримомъ отъ своихъ заблужденій.

Слѣдовавшія за Петровымъ кратковременныя царствованія Екатерины I и Петра II, когда главные занятія правительства состояли въ борьбѣ партій и когда всѣ почти дѣйствія свѣтской власти противъ раскола ограничивались приведеніемъ въ исполненіе резолюціи Петра I, чтобы сборъ съ раскольниковъ двойнаго оклада вѣдать при Сенатѣ, а не при Синодѣ,—расколъ пользовался относительнымъ спокойствіемъ; за то послѣдующія царствованія Анны Іоанновны, когда всѣмъ заправлялъ Биронъ, и Елизаветы Петровны, благоговѣвшей предъ всѣмъ, что было сдѣлано отцомъ,—строгость противъ раскола усилилась. Въ это время, когда «равноапостольный» Пцитиримъ, постоянно вооружавшій противъ раскольниковъ Петра I (2), сдѣлался членомъ св. Синода и сошелся съ Θεофаномъ Прокоповичемъ (3), смотрѣвшимъ на раскольниковъ, какъ на невѣждъ, съ которыми не стоить вести рѣчи, какъ на злодѣевъ, достойныхъ одной казни, не только раскольники, жившіе въ предѣлахъ отечества, не знали покоя, — взрослые высылались свѣтскими командами или къ енар-

(1) Есипов. т. II, стр. 271.

(2) Тамъ же прилож. стр. 213.—220

(3) Рук. въ рус. церк. истор., стр. 421.

хіяльнымъ архіереямъ (1), или въ монастыри, гдѣ «содержимы были въ цѣняхъ и въ трудахъ монастырскихъ, подъ крѣпкимъ присмотромъ, неисходно, и водились въ церкви ко всякому божественному пѣнію и, какъ возможно, увѣщевались» (2), а, въ случаѣ упорства, отсылались къ свѣтскому суду — для «нещаднаго наказанія плетьюми» и ссылки на галеры (3), — дѣти же раскольничьи «малолѣтнія выше и ниже 10 лѣтъ», которыя «не имѣли еще совершеннаго разума и знанія истинныя православныя вѣры догматовъ», присылались въ св. Синодъ «для увѣщанія и обращенія къ благочестію и познанія христіанскія православныя вѣры» (4), — но даже заграничные не лишены были вниманія власти; они выгонялись изъ-за границы, какъ овцы, сортировались по помѣщикамъ, заводамъ и монастырямъ, или, какъ животныя, запирались «въ особливые двory съ высокимъ тыномъ» (5). А въ царствованіе Елизаветы Петровны, объявившей себя возстановительницею законовъ и порядковъ своего отца, не только возобновлены были прежніе указы относительно раскольниковъ, издаанные въ послѣдніе годы Петра I, и изданы — новые, еще болѣе строгіе, направленные къ тому, чтобы «искоренить» (6) расколь, но даже снова были пущены въ ходъ относительно заблуждающихъ застѣнокъ, пытки и кнутъ (7), влѣдствіе чего фанатизмъ раскольниковъ, начавшій

(1) Собран. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. I, стр. 238.

(2) Тамъ же стр. 225.

(3) Тамъ же стр. 323.

(4) Тамъ же стр. 233.

(5) Тамъ же стр. 263-8, 274-80, 282-303, 311-12, 317-18, 325-6, 398 и др.

(6) Тамъ же стр. 406.

(7) Тамъ же стр. 411 и 428.

было слабѣть, снова стать проявляться въ самосожигательствѣ заблуждающихъ (¹). которое, по выраженію одного указа, дѣлало вѣру раскольниковъ еще болѣе «твердою» (²). — такъ. что расколъ въ это время не только не слабѣлъ, но усиливался и умножался до того, что, по признанію самого правительства, раскольниковъ было «многое число во всѣхъ мѣстахъ Россійской имперіи» (³), а въ нѣкоторыхъ приходяхъ нѣкого, кромѣ раскольниковъ, «не обрѣталось» (⁴).

Съ восшествія на престолъ Петра III и особенно въ царствованіе Екатерины II власть начинаетъ относиться къ расколу совершенно въ другомъ тонѣ. Прежніе строгіе указы мало по малу отмѣняются, раскольники освобождаются отъ двойнаго оклада и вводятся въ общую колею русскихъ гражданъ. наконецъ самое имя—раскольникъ запрещено было употреблять какъ на бумагѣ. такъ и въ разговорѣ. Зато и раскольники изъ лѣсныхъ, бездомовныхъ бродягъ превращаются въ домовитыхъ, промышленныхъ сельчанъ и горожанъ, начинаютъ сближаться съ православными. принимать къ себѣ въ дома православныхъ священниковъ, отъ которыхъ прежде бѣгали. какъ отъ зачумленныхъ, поступать въ «начальство» и въ военную службу и—даже съ «присягою, съ цѣлованіемъ креста и евангелія» и съ обѣщаніемъ служить правительству «вѣрою и правдою, яко благочестивой власти» (⁵). и. что всего важнѣе, пользу-

(¹) Собран. посл. по ч. раск., стр. 361, 367, 427—8, 180-2, 501, 537—8, 543—6, 551, 567 и др.

(²) Тамъ же стр. 155.

(³) Тамъ же стр. 443.

(⁴) Тамъ же стр. 512.

(⁵) Кельсиев. вып. IV, стр. 256—7, 267; свес. стр. 274—7.

ясь относительно свободой и спокойствіемъ, начинаютъ вдумываться въ свои вѣрованія, повѣрять ихъ соборными разсужденіями и, послѣ взаимныхъ пререканій, болѣе благомыслящіе изъ раскольниковъ сами рѣшаются искать мира и единенія съ церковію, — является, такъ называемое, единовѣріе.

Къ сожалѣнію, направленіе, принятое правительствомъ относительно раскольниковъ въ царствованіе Екатерины II, быстро измѣняется при Императорѣ Павлѣ. Этотъ государь, польщенный успѣхомъ своихъ собесѣдованій съ представителями петербургской поповщины, хотѣлъ, чтобы обратился къ деревни и столичные безпоповцы; но, встрѣтивъ здѣсь неудачу, заключилъ въ Петропавловскую крѣпость главнаго вожака петербургскихъ едосѣвцевъ — Косцова (1) и сталъ преслѣдовать и остальныхъ раскольниковъ.

Царствованіе императора Александра I началось самыми милостивыми распоряженіями власти относительно заблуждающихся. Не только раскольники разныхъ толковъ, но даже сектанты въ родѣ духоборцевъ, молоканъ и проч. признаны были правительствомъ просто заблуждающими и притомъ «по ревности Божіей, только не поразуму», которыхъ поэтому предписано было «возвращать въ пѣдра церкви не жестокими и суровыми средствами, не истязаніями, ссылками и т. п., не насильствіемъ и казнями, но поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами» (2). Къ сожалѣнію, въ концѣ своего царствованія государь измѣнилъ свой взглядъ на этотъ пред-

(1) Историч. очерк. единовѣр. стр. 101—3; истор. мин. внутр. дѣл. кн. 8, стр. 403.

(2) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 22 и 47—8.

метъ. Мало по малу поповны ограничены были въ приобрѣтеніи себѣ бѣлыхъ поповъ, на которыхъ прежде велѣно было «смотреть сквозь пальцы», безпоповцы-поморцы ограничены въ правахъ на выборы въ общественныя должности, а еедосѣвцы и вовсе лишены были этихъ правъ, и притомъ главныя учрежденія ихъ въ Москвѣ и Петербургѣ подвергнуты были самому строгому надзору полиціи, а болѣе видные учителя ихъ схвачены и заключены по монастырямъ (1).

Императоръ Николай Павловичъ, объявившій, что въ отношеніи къ заблуждающимъ онъ намѣренъ «слѣдовать духу терпимости, соединенному съ необходимыми мѣрами строгости» (2), и дѣйствительно на первыхъ порахъ своего царствованія требовавшій, чтобы «ни мѣстныя полиціи, ни духовныя начальства не тревожили понапрасну раскольниковъ» и не вмѣшивались въ совершаемые ими обряды и таинства (3), лишь бы только диссиденты не совращали православныхъ въ свое заблужденіе, — въ скоромъ времени, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, измѣилъ свое отношеніе къ заблуждающимъ и доводитъ строгость мѣръ противъ нихъ до того, что среди раскольниковъ слова усиливаются толки о царствѣ антихриста и скоромъ наступленіи втораго пришествія Христова.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ всего сказаннаго, ни одно царствованіе со временъ Петра I, за исключеніемъ царствованія Екатерины II, не выдерживало разъ принятой системы дѣйствій въ отноше-

(1) Собр. пост. по ч. раск. стр. 27—8, 62—4, 66—7, 75—6, 79—80 и др.

(2) Тамъ же стр. 129.

(3) Тамъ же стр. 93, 97, 126 и 167.

ніи къ расколу и каждое почти, начинаясь милостями къ заблуждающимъ, оканчивалось строгостями. Мало этого: часто случалось, что въ одно и то же время одни раскольники преслѣдовались, а другіе пользовались милостями власти; и это различіе мѣръ зависѣло не отъ того, что онѣ прилагались къ разнымъ сектантамъ, — часто заблуждающіе одного и того же толка, только жившіе въ разныхъ губерніяхъ, пользовались неодинаковыми правами. Не трудно понять, что было слѣдствіемъ такого непостоянства и безсистематичности въ распоряженіяхъ правительства относительно раскола. «Мѣры, предпріятыя и невыдержанныя, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1837 году, не рѣдко бывають вредныя, нежели когда бы оныхъ совѣтъ не было предпріято» (1). А если такъ, то неудивительно, что раскольники, видя непоследовательность въ дѣйствіяхъ власти, не только не оставляли своихъ заблужденій, какъ того желало правительство, но еще болѣе ожесточались, объясняя непостоянство власти тѣмъ, что она въ своихъ распоряженіяхъ противъ нихъ слѣдуетъ не твердому убѣжденію въ правотѣ своего дѣла и ясно выработанному взгляду на расколъ, какъ заблужденіе, а — только личнымъ ощущеніямъ, вызваннымъ тѣми или другими случайностями, и слѣдовательно всегда болѣе или менѣе несправедливымъ. Еще хуже то, что раскольники, благодаря непоследовательности въ дѣйствіяхъ власти, пришли къ убѣжденію, будто, скажемъ словами одной официальной бумаги, «всякая, принимаемая правительствомъ и относящаяся къ нимъ взыскательная, или строгая, мѣра есть только *вре-*

(1) Такъ же стр. 245.

менная и что она никакъ не можетъ продержаться въ одинаковомъ духѣ до результатовъ, съ видами которыхъ предпринимается начало ея». А слѣдствіемъ такого убѣжденія было то, что въ случаѣ какого либо новаго строгаго закона противъ раскола, заблуждающіе только молили Бога о терпѣннѣ, ни мало не думая исполнять то, чего требовалъ законъ.

Къ чему, подумаетъ кто либо, толковать о бесполезности вмѣшательства свѣтской власти въ религіозныя дѣла раскола и о вредѣ преслѣдованія заблуждающихъ строгими мѣрами — въ наше время, когда расколь пользуется почти совершенною свободою? Правда, нынѣ, благодаря изданному въ 1858 г. Высочайше утвержденному «Наставленію для руководства при исполнительныхъ дѣйствіяхъ и совѣщаніяхъ по дѣламъ, до раскола относящимся», и другимъ болѣе частнымъ распоряженіямъ правительства, раскольники «не преслѣдуются за мнѣнія о вѣрѣ» и могутъ безпренятственно «исправлять требы по своимъ обрядамъ», такъ какъ власть заявила, что она «не вмѣшивается въ заблужденія, противныя правиламъ истинной вѣры». Мало этого: новые суды, какъ видно, признаютъ иногда невиновными даже такихъ раскольниковъ, которые обвиняются «во вторичномъ отпаденіи отъ православія и въ распространеніи раскола (1)»; тѣмъ не менѣе и въ наши дни случаются иногда вещи, которыя показываютъ, что раскольники не могутъ считать себя вполнѣ безопасными. Всѣмъ, мы думаемъ, извѣстенъ заявленный газетами фактъ, какъ въ 1867 г. въ Москвѣ надзиратель 7 квартала Рогожской части съ двумя полицейскими солдатами

¹ Голосъ. 1867 г. № 189.

явился непрошенный въ квартиру мѣщанина Николаева въ то самое время, когда раскольниковъ попу совершалъ тамъ погребеніе умершей матери Николаева, и, не дозволивъ попу даже разоблачиться, повелъ его въ контору квартала при многочисленномъ стеченіи народа. Изъ газетъ же видно, что и въ наше время раскольники за одно распространеніе своихъ вѣрованій лишаются всѣхъ правъ состоянія и ссылаются на поселеніе въ Закавказскій край (1). Кромѣ того, и само правительство, объявившее, что оно не намѣрено вмѣшиваться въ религіозныя вѣрованія раскольниковъ, и предоставившее имъ нѣкоторую долю свободы, рѣшилось на этотъ шагъ не потому, чтобы признало прежнюю систему дѣйствій несправедливою и вредною, а потому только, что система эта «не точно и не правильно исполнялась—по неблагонамѣренности исполнителей въ низшихъ инстанціяхъ, или, можетъ быть, и отъ неумышленности по недостаточному знанію многочисленныхъ и разнообразныхъ узаконеній на счетъ раскола, въ различное время и по разнымъ вѣдомствамъ изданныхъ (2)». Этимъ и объясняется наприм. то обстоятельство, что «Наставленіе», предоставивъ раскольникамъ право «исполнять требы по своимъ обрядамъ», въ то же время запрещаетъ имъ строить молитвенныя зданія, или обращать въ модельни жилыя помѣщенія (§ 8).

Съ другой стороны, хотя современное общественное сознаніе, выражающееся въ литературѣ, и высказалось самымъ положительнымъ образомъ противъ всевозможныхъ притѣсненій заблуждающихъ свѣтскою

1) Голось, 1868 г. № 295, 1869 г. № 227.

(2) Собр. постановл. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 793.

властію; тѣмъ не менѣе еще и въ наши дни слышатся иногда голоса въ пользу прежняго порядка вещей. Есть лица, и ихъ даже не мало, которыя говорятъ, что раскольники такъ невѣжественны и грубы, что безъ строгихъ гражданскихъ мѣръ съ ними ничего нельзя подѣлать; и если эти мѣры до послѣдняго времени не привели ни къ какимъ хорошимъ результатамъ, то не потому, чтобы онѣ не могли достигать цѣли, а потому, какъ заявило объ этомъ и само правительство, что низшія административныя власти изъ корысти, или по другимъ какимъ либо видамъ, потворствовали заблуждающимъ.

Мы не знаемъ, на сколько справедливо это обвиненіе агентовъ власти въ потворствѣ расколу. Правда, во все время существованія раскола, правительство, дѣйствовавшее противъ него репрессивными мѣрами, постоянно предостерегало исполнителей своихъ распоряженій отъ злоупотребленія тѣмъ, или другимъ, закономъ относительно заблуждающихъ, требуя, чтобы они дѣйствовали «по присяжной должности, безъ всякаго лакометва и пристрастія, не льстясь ни на какіе дары и посулы и взятки (1)»; а раскольники съ своей стороны иногда откровенно сознавались, что «аще бы не снисходили къ нимъ господа чрезъ даваніе ихъ нескудная, то давно и духъ бы ихъ не пахнулъ на земли (2)». Но если бы все это и было справедливо,—продолжать прежній порядокъ вещей значило бы только продолжать безъ всякой пользы для православія чиновничьи злоупотребленія; такъ какъ, по остроумному выраженію одного писателя:

(1) Собр. постановл. по ч. раскола 1860 г. кн. 1, стр. 402, 409, 580, 589 и др.

(2) Обзоръ лигер. Филарет., кн. 2, стр. 34—5.

доколѣ у раскольниковъ будутъ деньги, а у чиновниковъ—руки, эксплуатація раскола низшими агентами власти не прекратится. «Хорошо, скажемъ словами Ломоносова, давать законы, ежели ихъ исполнять есть кому»; въ противномъ случаѣ законъ будетъ поводомъ только къ новымъ злоупотребленямъ.

Наконецъ, указывая вредъ, происшедшій отъ вмѣшательства свѣтской власти въ религіозныя дѣла раскола, мы хотимъ сказать не то, будто правительство можетъ оставить заблуждающихъ безъ всякаго съ своей стороны вниманія, а то, что оно не должно простираť своего вліянія далѣе границъ, подлежащихъ его вѣдѣнію. Когда раскольники-поповцы Богородскаго уѣзда Московской губерніи, не ограничиваясь преніями объ «окружномъ посланіи», устрояютъ у себя фабрики для дѣланія фальшивыхъ ассигнацій, а раскольницы Никольскаго села Тверской губерніи, по нелюбви къ рекрутчинѣ, открываютъ секретъ—послѣ рожденія перваго сына оставаться праздными (1),—когда фанатикъ-безпоповецъ врывается въ православный храмъ и производитъ богохульное кощунство въ самомъ алтарѣ,—когда едосѣвецъ, поживъ нѣсколько лѣтъ съ своею подругою, взятою «не безъ выгоды и не безъ денегъ» (2) прогоняетъ ее потомъ и съ дѣтьми — искать счастья на бѣломъ свѣтѣ, а себѣ беретъ новую хозяйку, чтобы съ нею въ свою очередь поступить также.—когда, такъ называемый, бѣгунъ, подъ личиною вѣры, странствуетъ по Божьему міру, чтобъ не нести никакихъ государственныхъ повинностей,—когда послѣдователь глухой яѣтовщи-

(1) Собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 237.

(2) Матер. для истор. безпоп. соглас. стр. 154—8.

ны собираетъ своихъ односельчанъ на гумнѣ и, во имя вѣры, топоромъ отрубаетъ имъ головы,—когда скопецъ уродуетъ себя и другихъ и проч. и проч.,— правительство въ правѣ наложить свою мощную руку на всѣ подобныя безобразія, нарушающія законы гражданскіе и уголовные. и никто не станетъ осуждать его за это. Но когда власть въ лицѣ своихъ агентовъ,—будетъ ли то чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, квартальный надзиратель, или простой будочникъ,—врывается въ дома заблуждающихся, гдѣ совершается богослуженіе, и, разогнавъ молившихся, или даже размѣстивъ ихъ по кварталамъ и тюрьмамъ, обираетъ иконы, кресты, книги и другія богослужебныя принадлежности, составляющія частную собственность, и передаетъ ихъ въ православные, или единовѣрческіе, храмы,—какъ это часто случилось въ бывшее время,—такой порядокъ вещей не можетъ не быть признакъ болѣе, чѣмъ ненормальнымъ и вреднымъ. Не легко опредѣлить границу, до которой можетъ простираться правительственный надзоръ за расколомъ; но, кажется, не будетъ неправдой, если мы скажемъ, что все, что касается въ расколъ нарушенія гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и полицейскихъ правилъ, подлежитъ вѣдѣнію и суду власти свѣтской; всѣ же религіозныя дѣла раскола должны быть предоставлены усмотрѣнію и заботамъ власти духовной и совѣсти заблуждающихся.

Доселѣ мы говорили о томъ, какіе мѣры употребляло для искорененія раскола свѣтское правительство и почему эти мѣры не достигали цѣли. Что же дѣлала съ своей стороны власть церковная, на которой по преимуществу и лежитъ обязанность вразум-

лять заблуждающихъ? Было бы слишкомъ долго перечислять все, что въ теченіе двухъ вѣковъ было предпринято противъ раскола церковнымъ правительствомъ; а потому мы укажемъ только на нѣкоторыя особенности въ этомъ отношеніи, благодаря которымъ всё почти распоряженія духовной власти относительно заблуждающихъ оказывались безуспѣшными.

Уже одно то обстоятельство, что церковная власть, забывъ, что единственное оружіе, которымъ она въ правѣ бороться со всевозможными ересями и расколами, есть мечъ слова Божія, призвала на помощь себѣ противъ раскола и мечъ правительства свѣтскаго, — должно было предубѣдить заблуждающихъ противъ православной истины. Къ большому несчастію для церкви, первые опыты словеснаго, или точнѣе, книжнаго вразумленія раскольниковъ поручены были людямъ, противъ которыхъ питали предубѣжденіе не только заблуждающіе, но и многіе изъ православныхъ, и которые, получивъ схоластическое образованіе и въ совершенствѣ владѣя діалектикою, говорили и писали красно и витіевато, но довольно пусто, и, гордясь своимъ просвѣщеніемъ, презрительно смотрѣли на московское невѣжество, хотя сами не всегда отличались даже православіемъ. Иезуитъ правленія, — первое по времени противораскольническое сочиненіе, одобренное и изданное отъ лица собора 1666—7 года, — былъ написанъ, какъ извѣстно, Симеономъ Полоцкимъ, воспитанникомъ новой Кіевской школы, противъ котораго въ скоромъ времени раздалась возгласы со стороны самаго патріарха Іоакима, обвинявшаго Полоцкаго въ томъ, будто онъ держался

«хлѣбопоклоннической ереси», и называвшаго его «Вѣнецъ вѣры», — вѣнцемъ, изъ западнаго тернія сплетеннымъ, а «обѣдъ душевный» — исполненнымъ душевныхъ бѣдъ (¹). Понятно, съ какимъ довѣріемъ читали раскольники сочиненіе, вышедшее изъ-подъ пера такого лица. Жезлъ правленія написанъ въ обличеніе раскола, а между тѣмъ и самъ не чуждъ неправославныхъ мыслей, которыя и были замѣчены заблуждающими (²).

Патріархъ Іоакимъ, быть можетъ, противъ воли уронившій достоинство Полоцкаго, какъ учителя истины, и тѣмъ подорвавшій авторитетъ его Жезла правленія, былъ вторымъ литературнымъ борцемъ противъ раскола. Къ сожалѣнію, въ защиту православнаго ученія онъ привелъ въ своихъ сочиненіяхъ такія доказательства, которыя... только подали раскольникамъ поводъ къ большому предубѣжденію противъ православія и его учителей. Мы разумѣемъ руку преподобнаго Комненоса и руку св. апостола Андрея первозваннаго, на которыя сослался святитель, въ доказательство правильности православнаго троеперстія, и которыя возбудили въ раскольникахъ столько недоумѣній (³).

Въ первой четверти XVIII столѣтія главными дѣятелями противъ раскола со стороны церкви были: св. Димитрій Ростовскій, Питиримъ Нижегородскій и Θεофилактъ Лопатинскій. Къ сожалѣнію, «Розыскъ» перваго и «Обличеніе неправды раскольнической» послѣдняго, хотя эти сочиненія, при нѣкоторыхъ не-

(¹) Рук. въ русск. церк. истор. стр. 318—19.

(²) Христ. Чт. 1860 г. ч. 2, стр. 498—500.

(³) Пращица, вопр. 73—9; Пом. отв. 9.

достаткахъ, имѣють несомнѣнныя достоинства, — почему то находились подъ спудомъ цѣлыя десятки лѣтъ и были напечатаны въ первый разъ только въ 1745 году (1); между тѣмъ, какъ «духовная пращца» Питирима, всѣ почти разсужденія въ пользу православія основывающая на «соборномъ дѣяніи на еретика Мартина», вызвавшемъ со стороны раскола такой сильный протестъ (2), была издана немедленно еще при Петрѣ I и даже нѣсколько разъ.

Къ концу царствованія Петра Великаго учреждень былъ св. Синодъ. Къ сожалѣнію, въ это время во главѣ церковнаго управленія становятся люди, которыхъ не только раскольники, но и весьма многіе изъ православныхъ называли не иначе, какъ «еретиками, обливанниками, ляшенками», и которые, въ свою очередь, на всѣхъ, кромѣ себя, смотрѣли, какъ на свиней (3). Мы разумѣемъ Θεодосія Яновскаго, Θεофана Прокоповича и др. Понятно послѣ этого, какъ смотрѣли раскольники на распоряженія и разныя «увѣщанія» церковной власти, находившейся въ рукахъ лицъ, которыя потомъ формально, самую властію свѣтскою были уличены въ такихъ преступленіяхъ (4), отъ которыхъ содрогается сердце всякаго честнаго и благочестиваго человѣка. Θεофанъ Прокоповичъ вздумалъ-было снизойти до полемики съ невѣжественнымъ расколомъ; по его «Оправданіе поливательнаго крещенія», изданное отъ лица св. Синода, произвело только соблазнь — и не въ однихъ расколь-

(1) Собр. пост. по ч. раск., кн. I, стр. 445—7.

(2) Пращца вопр. 85—99; Пом. отв. 9.

(3) Письм. новгор. митр. Јова къ Θεодос. Янов. въ лѣтоп русск. литер. т. I, сѣбсь, стр. 156.

(4) П. С. З. VII, № 4717.

никахъ, но и во многихъ изъ православныхъ, убѣдившихся теперь, что подозрѣнія ихъ относительно обливательства малороссовъ, захватившихъ церковную власть въ свои руки, не неосновательны.

Слѣдовавшія за Петровымъ царствованія до Елизаветы Петровны были не таковы, чтобы власть церковная могла что либо сдѣлать въ пользу православія и къ вразумленію раскольниковъ, еслибы даже хотѣла этого. Въ это время—борьбы Θεοφана Прокоповича съ его противниками—никто изъ самыхъ высшихъ лицъ церковной іерархіи не могъ поручиться, что завтра онъ не попадетъ въ тайную канцелярію и затѣмъ—въ монастырь, или даже въ Петропавловскую крѣпость, какъ было это, напримѣръ, съ Θεοφиломъ Донатинскимъ. А простыхъ священниковъ и монаховъ въ это время «давили, по выраженію одного современника, какъ мушекъ». Это было время, когда, по словамъ Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, «готовыя книги духовныя во тьмѣ заключали, а другія сочинять подъ смертною казнію запрещали, когда не только учителей, но и ученія, и книги ихъ вязали, ковали и въ темницы затворяли, и уже приходило къ тому, что въ своемъ православномъ государствѣ о вѣрѣ своей уста отворить было опасно,—тотчасъ бѣды и гошенія надѣйся» (1). Въ это время церковнаго безправія не только раскольники не присоединялись къ церкви, но многіе православные, и, что особенно важно, даже ученики семинарій,—отличные студенты, по выраженію Любопытнаго,—поширали никоніанизмъ и становились на сторону

(1) Слов. на 28 февр. 1742 г.
Хр. чт. № 3. 1871 годъ.

раскола (1), не желая сдѣлаться послѣдователями «новоизмышленной беспоповщины», въ которую хотѣли совратить всѣхъ русскихъ, т. е. протестанства.

Правленіе Елизаветы Петровны было благопріятно для духовной власти. Но погромъ лицъ іерархіи въ прошлое царствованіе былъ такъ великъ, что при Елизаветѣ Петровнѣ долгое время при многихъ церквахъ не было ни священниковъ, ни діаконѳвъ, вслѣдствіе чего, для пополненія причтѳвъ, разрѣшено было опредѣлять на церковныя должности даже крѣпостныхъ крестьянѣ. Но само собою разумѣется, что подобныя пастыри не могли быть хорошими учителями православной истины и обличителями раскола. Тѣ же священники, кои остались въ живыхъ послѣ времени Бироновщины, были такъ деморализованы, что «непорядочными своими поступками раскольниковъ паче отгоняли, или сами, не умѣя лжи той разсудить, согласовали и тайно утверждали» (2). Не даромъ церковная власть вынуждена была въ 1741 году издать присягу, по которой каждый ставленникѣ, вновь производимый во священника или діакѳна, долженъ былъ произносить, между прочимъ, слѣдующее: «къ тому же клянуся, что долженъ и по должности хошу и всячески тшчатися буду по хиротоніи во священство (или будучи въ діакѳнствѣ) въ приходѣ моемъ тайныхъ раскольниковъ чрезъ удаленіе ихъ отъ св. Евхаристіи, или чрезъ ныя каковыя примѣты, накрѣвно смотрѣть; и аще бы таковыя явиться могли, ни за каковыя отъ нихъ дары, или посулы, укрывать и таить не буду, но какъ о нихъ, раскольникахъ, ско-

(1) Сборникъ Попова, т. 2, стр. 84-5.

(2) Собр. поет. во ч. раск. кн. 1, стр. 351.

ро могу увидать, со всякимъ обстоятельствомъ письменно представлять, гдѣ надлежитъ, всемѣрно потщуся, также въ книгахъ исповѣдающихся и св. Тайнъ причащающихся, закрывая ихъ зловѣріе, съ правовѣрными христіанами писать не стану... Буде же я впредь, по семъ клятвенномъ обѣщаніи, забывъ страхъ Божій и должность свою, таять ихъ, раскольниковъ, въ своемъ приходѣ стану и съ правовѣрными, для прикрытія ихъ зловѣрія, по какой нибудь страсти, вѣдая ихъ занодлинно, съ исповѣдавшимися и Божественныхъ Тайнъ сообщившимися въ книгу ложно напишу и въ томъ отъ кого обличенъ буду, то, яко клятвопреступникъ, чужда священнаго сана и мірскому публичному наказанію себе подвергаю» (1).

Съ другой стороны, и въ это время, если не сама церковная власть, то исполнители ея распоряженій еще не расстаются съ мыслию, что «нейтралитета Христось нашъ не любитъ», и что поэтому всѣхъ еретиковъ и раскольниковъ, въ случаѣ ихъ упорства, нужно «смирять постомъ и стегать плетью» (2). Благодаря такому способу вразумленія заблуждающихся, нѣкоторые изъ раскольниковъ иногда дѣйствительно присоединялись къ православію—*въ консисторіяхъ*; но, «по возвращеніи въ дома, паки, аки пси на свою блевотину, въ погибельный расколъ совращались» (3); и это вторичное уклоненіе въ расколъ мнимо-обратившихся къ церкви въ виду плетей было такъ часто, что раскольники «уже и по обращеніи отъ раскола, по выраженію одного синодскаго указа,

(1) Собр. пост. по ч. раск. стр. 376—7.

(2) Тамъ же стр. 333, снес. стр. 575—84, 588—9, 714 и др.

(3) Тамъ же стр. 515. снес. стр. 473.

стали быть невѣроятны» (1), т. е. въ это время перестали даже вѣрить въ возможность *искренняго* обращенія заблуждающихъ къ церкви.

Съ царствованія императрицы Екатерины II и до нашихъ дней, когда свѣтская власть постоянно напоминала духовной, что обязанность вразумлять заблуждающихъ лежитъ на пастыряхъ церкви, хотя сама продолжала по прежнему держать расколъ въ своихъ рукахъ. — мы встрѣчаемъ и бѣльшее. сравнительно съ прежнимъ временемъ, число распоряженій св. Синода по расколу, и бѣльшее количество книгъ, написанныхъ для вразумленія заблуждающихъ, и, наконецъ, больше любви къ заблуждающимъ въ этихъ книгахъ. Распоряженія св. Синода, изданныя въ этотъ періодъ времени, обнимаютъ вопросъ о расколѣ въ такой полнотѣ, что если бы всѣ они были приведены въ исполненіе, — расколъ по своему объему и содержанію былъ бы далеко не тѣмъ, чѣмъ онъ есть въ настоящее время. Какимъ должны быть священники въ приходяхъ, зараженныхъ расколомъ, по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, какъ они обязаны вести себя въ отношеніи къ заблуждающимъ, чтобы могли пріобрѣсти вліяніе на нихъ, какъ должны совершать службу, вести бесѣды съ раскольниками, что обязаны дѣлать для предохраненія православныхъ отъ совращенія въ расколъ. — обо всемъ этомъ есть самыя точныя наставленія въ указахъ св. Синода. Не разъ также св. Синодъ указывалъ въ своихъ циркулярахъ на необходимость увеличенія въ епархіяхъ, зараженныхъ расколомъ, числа храмовъ, улучшенія быта причтовъ въ раскольническихъ

(1) Собран. поет. по ч. раск. егр. 345.

приходахъ, строгаго надзора за ними епархіальныхъ архіереевъ, новаго изданія книгъ, написанныхъ въ обличеніе раскольниковъ и оказавшихъ болѣе дѣйствія,—для снабженія ими церковей и училищъ и для продажи за дешевую цѣну въ народѣ, и проч. и проч. Однимъ словомъ, со времени Екатерины II и до нашихъ дней, церковное правительство, въ видахъ ослабленія раскола, дѣлало все, что было въ его власти и средствахъ. Къ сожалѣнію, указы св. Синода сами по себѣ не могли сдѣлать ничего, а исполнители этихъ указовъ часто были неискусны, или даже недѣятельны, чаще же всего, по разнымъ обстоятельствамъ, и не могли, при всемъ желаніи, исполнять того, что предписывалось въ указахъ.

Разныя «Увѣщанія, Наставленія, Бесѣды» и другія книги, писанныя въ наученіе раскольниковъ въ послѣднее столѣтіе, также вещь сама по себѣ хорошая; но чтобы эти книги могли научить заблуждающихся истинѣ, необходимо, чтобы онѣ читались раскольниками; а этого-то всего болѣе и избѣгаютъ ревнители старины—не только потому, что считаютъ грѣхомъ взять въ руки «никоніанское» сочиненіе изъ опасенія заразиться содержащимися въ немъ ересями, не только потому, что, живя по разнымъ захолустьямъ необъятной Россіи и не читая газетныхъ объявленій о выходѣ въ свѣтъ новыхъ изданій, большинство раскольниковъ часто и не знаетъ, что объ нихъ заботятся и пишутъ для вразумленія ихъ книги, но всего болѣе отъ того, что масса заблуждающихся не умѣетъ и читать разныхъ «Увѣщаній и Бесѣдъ».

Но тогда, какъ сочиненія православныхъ полемиковъ противъ раскола большею частію не доходили

по назначенію, въ самомъ расколѣ шла неустанная работа въ пользу «древняго благочестія» и противъ «никоніанскихъ новшествъ», являлись цѣлыя сотни и даже тысячи книгъ, авторы которыхъ не только доказывали справедливость «древле-церковнаго содержанія», но нерѣдко съ изумительнымъ искусствомъ и безпощадною сатирою осмѣивали разные «Жезлы правленія, Увѣты, Пращицы, Обличенія» и т. п. (1). И хотя сочиненія вожаковъ раскольническихъ не печатались, а только переписывались, и слѣдовательно приобрѣтеніе ихъ было весьма затруднительно; тѣмъ не менѣе нельзя сказать, что въ средѣ заблуждающихся было больше православныхъ сочиненій — печатныхъ, чѣмъ раскольническихъ — рукописныхъ. Мало этого: неизвѣстно по какимъ причинамъ, книги, писанныя противъ раскола, всегда составляли рѣдкость не только для раскольниковъ, на что иногда жаловались болѣе благомыслящіе изъ нихъ (2), но даже и для самихъ православныхъ. И такъ было не только въ прошломъ столѣтіи (3), но и во времена, ближайшія къ намъ. Въ 1835 году томскій преосвященный просилъ св. Синодъ снабдить его слѣдующими, необходимо нужными, какъ выражался онъ, для обращенія раскольниковъ въ православіе, книгами: Камнемъ вѣры, Пращицей, Жезломъ, Увѣтомъ и Обличеніемъ неправды раскольнической; книги были посланы — по 1 экземпляру каждая, но на покупку ихъ св. Синодъ употребилъ 107 р. (4). Можно судить по

(1) Собрн. Попова т. 2, вып. V, №№ 214—15, 284, 399, 507, 581 и др.

(2) Обзор. Филар. т. 2, стр. 34.

(3) Собр. постан. по ч. раск. кн. I, стр. 689.

(4) Собр. постан. по ч. раск. кн. 2, стр. 288—9.

этой цѣли, какъ рѣдки были эти книги. Въ 1839 г. преосвященный митрополитъ Петербургскій Серафимъ представлялъ св. Синоду, что книгу: «Увѣщаніе во утверженіе истины», написанную митрополитомъ Платономъ, «по содержащимся въ ней правымъ изложеніямъ высокихъ истинъ св. православной восточно-каѳолической церкви и по убѣдительнымъ доводамъ къ вразумленію чуждающихся оной», полезно было бы «распространить между духовенствомъ и мярянами съ спасительною цѣлью утверженія вѣры» (1). А между тѣмъ это—одно изъ самыхъ лучшихъ сочиненій, когда либо писанныхъ противъ раскола. Въ 1853 году самъ св. Синодъ заявилъ, что нужно новое изданіе книгъ, изданныхъ въ прежнее время «въ обличеніе раскола и оказавшихъ болѣе дѣйствія, для снабженія таковыми книгами церковей и училищъ, и для продажи за дешевую цѣну въ народъ» (2). И однако же и послѣ этого недостатокъ въ подобныхъ книгахъ чувствовался. Въ 1855 году преосвященный Камчатскій входилъ представленіемъ въ св. Синодъ, прося его «выслать ему книги, дающія вѣрное понятіе о расколѣ и служащія къ обличенію оного» (3).

Если же ко всему сказанному мы прибавимъ, что рука объ руку съ письменною пропагандою раскола идетъ, во все время его двухвѣковаго существованія, непреставная пропаганда устная, что вожди расколническіе, съ цѣлію привлечь на свою сторону православныхъ, употребляютъ самые разнообразныя и всегда, по внѣшности по крайней мѣрѣ, почтенныя спо-

(1) Собр. пост. по ч. раск. стр. 361.

(2) Тамъ же стр. 527.

(3) Тамъ же стр. 619—20; сисс. стр. 547, 553, 807, 818—19 и др.

собы. — «вселишеса въ кой либо домъ, скажемъ словами св. Дмитрія Ростовскаго, которыя служатъ вѣрной характеристикой и современныхъ намъ проповѣдниковъ древняго благочестія, являютъ благоговѣнство велие, и словомъ и правомъ показующееся быти Божи рабы, святы, и праведни, и преподобни, — приносять съ собою свой хлѣбъ, и ничто же хотять вкусити отъ предлагаемыхъ имъ снѣдей, дондеже предъстятъ на свое зловѣріе дому того, — не вкушаютъ убо брашенъ ихъ, ово аки скверными гнушающесе, ово же постничество свое являюще, и постятся до вечера, или черезъ день и болѣе, мало вкушающе отъ принесеннаго съ собою хлѣба, продолжаютъ молитву свою прилежную къ Богу со умиленіемъ... предлагають чтеніе книжное... бесѣдуютъ же къ слушающимъ ихъ со въздыханіемъ и умиленіемъ и слезами, весь образъ святыни, вся дѣла богоугожденія являютъ» (1); между тѣмъ какъ наши православные священники въ былыя, хотя и недавнія, времена или ничего не проповѣдывали, или проповѣдывали такъ витіевато, что ихъ никто не понималъ, а посѣщая дома православныхъ, вмѣсто того, чтобы учить ихъ уму-разуму и тѣмъ предохранять ихъ отъ раскола, являлись только, по выраженію одного указа, «храбры къ питью» (2) и своимъ поведеніемъ «наводили нареканія на чинъ духовный» (3), а входя въ дома раскольниковъ, брали только съ нихъ деньги, если же раскольники не принимали непрощенныхъ гостей, ломали у нихъ ворота, двери, обна — такъ, что въ 1767 г.

(1) Розыск, стр. 559.

(2) П. С. З. т. VI, стр. 707; лѣтоп. русск. лѣтоп. Тихонрав. т. I, сѣтъ, стр. 197—8; Увѣщ. М. Платона л. 49.

(3) П. С. З. т. XIX, № 13905.

св. Синодъ вынужденъ былъ «обязать священниковъ подпискою, чтобы они къ раскольникамъ въ дома, безъ требованія ихъ, ни подъ какимъ видомъ не ходили и ничего не предпринимали, а наипаче обидь и притѣсненія отнюдь не чинили» (1),—если возьмемъ во вниманіе все это, тогда поймемъ, что и со времени Екатерины II до конца прошлаго царствованія въ дѣйствіяхъ нашего духовенства было не мало такого, что не только не располагало раскольниковъ къ сближенію съ церковію, но еще болѣе удаляло ихъ отъ православной іерархіи.

Странно было бы обвинять наше духовенство за то, что оно до послѣдняго времени не учило раскольниковъ истинѣ, а только брало съ нихъ деньги; оно и не могло вступать въ бесѣды о вѣрѣ съ заблуждающими, потому что по разнымъ обстоятельствамъ само не знало, въ чемъ заключается доктрина раскольничья. Многіе священники наши, особенно въ прошломъ столѣтіи, были люди простые, знавшіе только читать и писать; такимъ пастырямъ церковь, разумѣется, было не до полемики съ раскольниками, между которыми встрѣчаются люди огромной начитанности и рѣдкаго знакомства съ памятниками нашей старины. Эти простые пастыри иногда были такъ просты, что вѣрили даже внушеніямъ раскольниковъ, будто церковь православная перестала быть истинною, и на этомъ основаніи бросали свои приходы и переходили въ расколъ. Другіе, получавшіе санъ священства по окончаніи семинарскаго курса, знали кое-что, изучали на школьной скамьѣ древніе языки, разнаго рода богословскія науки, физику, даже

(1) Собр. пост. по ч. раск. кн. I, стр. 638.

естественную исторію и медицину, только не слышали ни слова о русскомъ, по выраженію Посошкова, «дурачкомъ» расколѣ и его ученіи. Значитъ, и этимъ «ученымъ» проповѣдникамъ православной истины, при встрѣчѣ и собесѣдованіи съ раскольниками, приходилось или терпѣть пораженіе, или, во избѣжаніе подобнаго скандала, вовсе не вступать въ споръ съ «неуками». Поэтому, подобные пастыри всячески старались избѣгать раскольничьихъ приходо́въ — такъ, что епархіальные архіереи иногда вынуждены бывали прибѣгать къ разнаго рода «пастырскимъ убѣжденіямъ», чтобы расположить «благонадежныхъ» священниковъ принять перемѣщеніе въ раскольничьи приходы «по долгу послушанія и ради пользы общественной» (1). Если же иногда и встрѣчались въ приходо́вахъ, зараженныхъ расколомъ, пастыри церкви, которые, помня свои обязанности, рѣшались бороться съ заблуждающими слово́мъ истины, — раскольники умѣли скоро отдѣлываться отъ такихъ беспокойныхъ священниковъ. Составивъ убѣжденіе, будто со временъ Петра I, уничтожившаго патріаршество и учредившаго св. Сино́дъ, «вся воля отъяся отъ духовныхъ гражданскою властію» — такъ, что духовная власть ничего не можетъ дѣлать безъ позволенія свѣтской (2), и въ тоже время зная по опыту, какъ милостивы бываютъ къ ревнителямъ старины разнаго рода «господа, чрезъ даянія ихъ не скудная», раскольники, чтобы избавиться отъ ревностныхъ пастырей, обращались къ свѣтскимъ властямъ съ горько-слезными жалобами на притѣсненія, при чемъ «чинили иногда

(1) Собр. постан. по ч. раск. кн. 2, стр. 298.

(2) Кельсіев. 4, стр. 265—6.

доступательство до самыхъ высокихъ персонъ» (1), и всегда почти успѣвали въ томъ, что ревностные пастыри получали приказаніе быть осторожиѣе, или даже подъ благовидными предлогами переводились на другія мѣста.

Что же касается потворства раскольникамъ со стороны духовенства, разумѣется, недароваго, на что такъ любить указывать разные благожелатели церкви, то объяснить это злоупотребленіе еще легче. Прежде всего—въ то время, когда сборъ съ раскольниковъ двойнаго оклада находился въ рукахъ церковной власти, и приходскому духовенству позволено было пользоваться кое-какими крупницами отъ заблуждающихъ. «Съ обрѣтающихся въ приходахъ раскольниковъ, читаемъ въ указѣ св. Синода отъ 15 мая 1722 года, брать приходскимъ ихъ священникамъ съ причетниками, со всякаго раскольничьяго двора по гривнѣ съ души въ годъ, а сверхъ того, отъ рожденія гривна, отъ женитьбы гривна, отъ погребенія гривна» (2). Этотъ указъ въ 1729 году былъ подтвержденъ и свѣтскою властію (3). Значитъ, поборы духовенства съ раскольниковъ имѣли когда-то легальное основаніе. Далѣе,—всякому извѣстно, въ какой бѣдности находится большая часть нашихъ священниковъ, особенно сельскихъ; а голодный, по словамъ Татищева, хотя бы и патріархъ былъ, кусокъ хлѣба возьметъ (4), особенно если этотъ кусокъ ему предлагаютъ. Правда, власть старалась улучшить

(1) Есипов, т. 1, стр. 304—7; собр. пост. по ч. раск. 1858 г. стр. 35, 290—4 и др.

(2) Собр. пост. по ч. раск. кн. I, стр. 38; свес. стр. 82.

(3) Тамъ же, стр. 207—8.

(4) Татищев. и его время, стр. 226—7.

положеніе духовенства въ приходахъ, зараженныхъ расколомъ (1); но это улучшение было такъ условно и незначительно, что немного помогало дѣлу. Въ 1829 году правительство объявило, что «обратившій къ церкви значительное число раскольниковъ можетъ быть сопричисленъ къ ордену св. Анны» (2); но во первыхъ, отъ возможности до дѣйствительности очень далеко, а во вторыхъ—лестна ли подобная честь тому, кому нечего ѣсть? (3).

Съ начала 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія церковная власть по нѣкоторымъ обстоятельствамъ обратила на расколъ самое серьезное вниманіе; учреждены были при академіяхъ и семинаріяхъ, такъ называемыя, миссіонерскія отдѣленія, назначены были по епархіямъ, гдѣ особенно сидеть расколъ, нарочитые миссіонеры изъ лучшихъ священниковъ, сдѣланы были и другія распоряженія въ томъ же духѣ. Къ сожалѣнію, миссіонерскія отдѣленія при семинаріяхъ по обстоятельствамъ были такъ поставлены, что ожидать отъ нихъ особенной пользы для православія въ борьбѣ его съ расколомъ было нельзя. Въроятно сознаніе этого и было причиной того, что новый семинарскій Уставъ снялъ съ этихъ отдѣленій официальную ферулу и предоставилъ изученіе раскола въ каждой семинаріи мѣстнымъ средствамъ и мѣстному благоусмотрѣнію. Молимъ Бога, чтобы средства нашлись и благоусмотрѣніе явилось. Иначе расколъ, особенно при томъ гражданскомъ строе, какой дается нашему

(1) Собр. постан. по ч. раск. кн. 2, стр. 298.

(2) Тамъ же стр. 228; снес. стр. 651.

(3) О духовенствѣ см. въ собр. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2, стр. 121, 168—9, 284, 298, 324, 364, 515, 528, 548, 676, 594—5, 700—1, 735, 755, 762, 797 и др.; Увѣщ. М. Платона л. 79.

отечеству реформами нынѣшняго царствованія, когда наприм. крестьянина уже не можетъ болѣе удерживать при церкви власть помѣщика, и на будущее время будетъ расти, а не уменьшаться. Что же касается *особыхъ* миссіонеровъ противъ раскола, то первоначальное учрежденіе этой должности было вызвано случайными обстоятельствами — желаніемъ св. Синода, не ожидая приготовленія опытныхъ для борьбы съ расколомъ священниковъ въ миссіонерскихъ отдѣленіяхъ, на что требовалось не мало времени, имѣть поскорѣе готовыхъ дѣятелей противъ заблуждающихъ (1), и, какъ показалъ опытъ, не принесло никакой пользы православію (2); такъ какъ раскольники питаютъ, по заявленію епархіальныхъ архіереевъ, «особое отвращеніе» къ миссіонерамъ (3). Поэтому можно надѣяться, что должность *особыхъ* миссіонеровъ въ епархіяхъ просуществуетъ не долго, а скорѣе позаботятся о томъ, чтобы все наши священники, каждый въ своемъ приходѣ, были способны къ исполненію миссіонерскихъ обязанностей, кому встрѣтится въ томъ надобность.

Итакъ, подумасть кто либо послѣ всего сказаннаго, въ томъ, что расколъ доселѣ существуетъ и даже увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей, виноваты свѣтская власть и духовенство, — первая тѣмъ, что вмѣшалась не въ свое дѣло, послѣднее — тѣмъ, что не дѣлало своего дѣла надлежащимъ порядкомъ.

Не судите, да не судими будете. Изъ того, что мы сказали, видно, какая доля вины принадлежитъ свѣт-

1) Собран. пост. по ч. раск. 1860 г. кн. 2. стл. 517—50.

2) Тамъ же стр. 806—7.

3) Тамъ же стр. 350 и 740.

скому правительству и духовенству—въ томъ, что въ теченіе двухъ вѣковъ мы не съумѣли примирить съ собою своихъ братій по вѣрѣ и крови; но изъ сказаннаго не слѣдуетъ, чтобы тотъ же грѣхъ въ большей или меньшей степени не лежалъ и на всѣхъ насъ,—на всемъ православномъ обществѣ.

Не станемъ говорить о прошломъ, когда свѣтская власть, сосредоточивъ все въ своихъ рукахъ, не любила, чтобы общество принимало участіе въ ея распоряженіяхъ и дѣлахъ, и когда въ частности расколъ составлялъ непроницаемую тайну, съ которою вѣдались однѣ только канцеляріи и вообще—лица официальные. Обратимся къ настоящему времени, когда волю Державнаго Монарха къ устройству дѣлъ общественныхъ призваны всѣ земскія силы и когда слѣдовательно общество не только можетъ, но и обязано обсуждать и такъ или иначе рѣшать вопросы, которыми оно интересуется. Что же мы видимъ въ дѣятельности нашего земства относительно вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, т. е. раскола? Сколько намъ извѣстно, ни одно земское собраніе даже и не намекнуло на то, что наши заблуждающіе братья—дороги ему, что отдѣленіе ихъ отъ церкви беспокоитъ его, что особое положеніе ихъ въ государствѣ, вредное для самаго православнаго общества, озабочиваетъ его. Нельзя сказать, чтобы лица, съ такимъ равнодушіемъ относящіяся къ расколу, могли съ спокойною совѣстію бросать въ кого либо камень за то, что расколъ существуетъ и даже увеличивается.

Въ настоящее царствованіе, благодаря новымъ законамъ о печати, можно не только писать книги о расколѣ, но и печатать ихъ безъ цензуры. Что же?

воспользовалось-ли общество въ лицѣ своихъ представителей мысли этимъ новымъ правомъ и воспѣшило-ли честно, добросовѣстно указать заблуждающимъ путь къ болѣе разумной и правильной жизни, объяснивъ ихъ недоразумѣнія, успокоивъ ихъ сомнѣнія, подавъ имъ надежду на лучшее будущее? Да, въ послѣдніе 10—13 лѣтъ и свѣтская литература стала говорить о расколѣ; но что мы находимъ въ сочиненіяхъ этого рода? За исключеніемъ немногихъ лицъ, большая часть свѣтскихъ писателей разглагольствуютъ въ своихъ сочиненіяхъ главнымъ образомъ о томъ, что духовная наука доселѣ не понимала раскола и смотрѣла на него односторонне, «занимаясь преимущественно схоластическими словопреніями о сложеніи перстовъ, о хожденіи посолонь» и проч. (1), или излагая дѣло пристрастно, неумѣренно и несдержанно въ тонѣ (2), что религіозныя вѣрованія раскольниковъ, которыми, замѣтимъ, они дорожатъ, какъ святынею, — пусты, невѣжественны, противны здравому смыслу и могутъ быть объяснены только религіозной магіей, зависящей отъ простуды (3), что расколь держится и одушевляется не религіозными своими убѣжденіями, которыя иногда выставляетъ на видъ, какъ маску, а стремленіями другаго рода, — хотя эти стремленія и не указываются опредѣленно, или иногда указываются такія, отъ которыхъ раскольники чураются, какъ отъ привидѣній, и считаютъ долгомъ печатно протестовать противъ непрощенныхъ своихъ учителей, — что наконецъ главное средство къ приведе-

(1) Письм. Мельников., стр. 3.

(2) Андреева, раскол., стр. 389.

(3) Тамъ же стр. 1 и 371—6.

нію заблуждающихъ на путь истины состоитъ не въ разъясненіи ихъ религіозныхъ недоумѣній, не въ успокоеніи ихъ немощной совѣсти, а въ школахъ, но такихъ, гдѣ-бы духовенству, псалтири, катехизису и др. не было мѣста, но гдѣ процвѣтали бы физика, естественныя науки и под. Что же касается вопроса объ отношеніи свѣтскаго правительства къ расколу, то тогда какъ одни изъ свѣтскихъ писателей по прежнему требуютъ если не костровъ и срубовъ, такъ по крайней мѣрѣ самаго строгаго и бдительнаго надзора полиціи за этою стоголавою гидрою (1), - другіе проповѣдуютъ полное невмѣшательство свѣтской власти въ дѣла раскола, если бы даже фанатики стали сожигаться и уродовать себя и другихъ (2). Не думаемъ, чтобы общество могло поставить себѣ въ особенную заслугу подобнаго рода литературныя труды по предмету раскола; трудно согласиться и съ тѣмъ, чтобы раскольники, читая такіе *новые* взгляды представителей мысли православнаго общества на причины отдѣленія ихъ отъ церкви, почувствовали особенное желаніе сблизиться съ этимъ обществомъ.

Но есть еще одна сторона дѣла, которая показываетъ, что никто изъ насъ не въ правѣ умыть руки предъ раскольниками и сказать: «я не виноватъ въ вашихъ заблужденіяхъ и въ томъ, что вы доселѣ не можете примириться съ церковію и православнымъ обществомъ и въ слѣдствіе этого тершите разнаго рода невзгоды». Охрана вѣры, писали восточные патріархи въ отвѣтъ на посланіе папы Пія IX, охрана догмата заключается въ цѣломъ народѣ церковномъ.

1 Ze Rascol. Русск. духов., Берлинъ, стр. 44.

2 Кельсиевъ, I, XXVIII.

А если такъ, то, значить, обязанность предохранять отъ заблужденій раскола массы православнаго населенія и приводить въ ограду церкви самихъ раскольниковъ лежитъ не на одной іерархіи, не на одномъ духовенствѣ, а на всемъ православномъ обществѣ, которое, въ предѣлахъ предоставленнаго ему права, не только можетъ, но и обязано содѣйствовать пастырямъ церкви въ охраненіи интересовъ православія. А между тѣмъ, кто изъ насъ можетъ сказать, что онъ сознаетъ это назначеніе свое, какъ члена церкви, и по мѣрѣ силъ старается быть вѣрнымъ ему? Мало этого: до послѣдняго времени духовенство не только не находило себѣ сочувствія и поддержки со стороны общества въ дѣлѣ вразумленія заблуждающихъ, — часто оно встрѣчало одни только препятствія на этомъ пути.

Вотъ священникъ старается доказать раскольнику, что изъ-за двуперстія не слѣдуетъ удаляться отъ церкви, что троеперстіе, содержимое православными, древнѣе и правильнѣе двуперстія; а раскольникъ, оставивъ въ сторонѣ и троеперстіе и двуперстіе, указываетъ пастырю церкви на то, что православные и троеперстіемъ — то не хотятъ совершить крестнаго знаменія, какъ слѣдуетъ, и только «махаютъ рукою сѣмо и овамо, чему бѣси радуются» (1). Вотъ раскольнику говорятъ, что все его внѣшнія дѣйствія: колѣнопреклоненія на молитвѣ, строгіе посты и проч., не могутъ имѣть цѣны предъ Богомъ, такъ какъ совершаются не въ союзѣ съ церковію; а онъ съ злою усмѣшкою спрашиваетъ: «а развѣ стоятъ въ храмѣ болваномъ, безчинно и безъ страха, смѣясь и разговаривая, рукою подпершись, ногу откинувши, или

¹ Цетив. кн. 6, гл. 4; снес. Стога гл. 3.

ѣсть въ посты млеко и мясо, не разсуждая постнаго храненія, какъ дѣлають это ваши—церковные, можно и это угодно Богу?» Вотъ приходскій священникъ приглашаетъ раскольника въ храмъ Божій, чтобы онъ посмотрѣлъ православное богослуженіе и убѣдился, что въ немъ нѣтъ ничего антихристіанскаго; а тотъ полу-шутя, полу-серьозно, отвѣчаетъ: «и радъ бы, батюшка, да храмъ-то больно далеко, верстъ 20 будетъ, да говорить, въ немъ и стоять-то нельзя, — вѣтеръ дуетъ, снѣгъ чрезъ разбитыя стекла несетъ, отъ мороза дрожь пробираетъ... нѣтъ ужъ, служи ты въ немъ со своими-то; имъ, можетъ, и сподрученъ такой холодъ, а мы привыкли въ часовняхъ къ теплу, да и дома дѣло стало». Вотъ священникъ доказываетъ Федосѣевцу, что ученіе его объ обязательномъ для всѣхъ безбрачїи—несправедливо и ведетъ къ нарушенію цѣломудрїя, а онъ, съ ядовитой улыбкою, отвѣчаетъ: «ты вѣрно, батюшка, по своимъ судишь; у васъ завѣдомо существуютъ развратные дома, а у насъ, слава Богу, этой мерзости нѣтъ» (1). Кто виновать во всѣхъ этихъ упрекахъ, которые слышатся со стороны раскола православному обществу и которые препятствуютъ раскольникамъ признать церковь православную истинною? А эти упреки не-единственные. Кто знакомъ съ раскольничьей литературой, или велъ съ раскольниками живую бесѣду, тотъ знаетъ, что раскольники смущаются и нашими церковными собранїями, въ которыхъ, вопреки слову апостола (2), женщины часто стоятъ съ непокрытыми головами и одѣтыя до того щегольски, что щепетильной совѣсти

1. Аполог. раск. у Пареев. стр. 50.

2. 1 Кор. 11, 4 и 5.

раскольниковъ онѣ представляются собравшимися не въ храмъ—для молитвы, а на балъ—для «богомерзскихъ танцевъ»,—и тѣмъ, что у насъ «комеди, оперы, маскарады творять *противу воскресныхъ дней и прочихъ господскихъ праздниковъ*», и нѣкоторые изъ православныхъ «проводятъ всю ночь въ таковой бѣсовской потѣхѣ»,—что многіе «нынѣшніе господа изъ домовъ своихъ иконы древнія выносятъ, вмѣсто же ихъ картины свверныхъ еллинскихъ богъ нарисуютъ, аще же гдѣ иконы и обрѣтаются, то точію по единой, и сіи не поставлены благочинно, но повѣшены, яко же у иконоборцевъ», и притомъ иконы эти часто написаны бывають «дебело и развращенно, — нагія и обнаженные, срамныя и очесемъ цѣломудреннымъ вредительныя», иногда даже «пречистая Богородица» изображена бываетъ «съ распростертыми власы и въ нѣмецкомъ платьѣ», а «Спасовъ образъ Еммануила—брюхатъ и толстъ, яко нѣмчинъ, лишь сабли при бедрѣ не написано»,—что мы — православные, вопреки соборнымъ правиламъ, имѣемъ общеніе съ иповѣрцами не только въ пищѣ и питъѣ, но даже въ молитвѣ, и проч. и проч. (1). Пусть говорятъ, что въ подобныхъ упрекахъ со стороны раскола слышится невѣжество, обскурантизмъ и под.,—каждый мѣрнитъ на свой аршинъ, — а раскольники, какъ извѣстно, на все смотрятъ съ точки зрѣнія нравственно-религіозной и церковной; но если всѣ указанные обычая и порядки православнаго общества соблазняютъ немоцную совѣсть раскольниковъ и служатъ одною изъ многихъ причинъ отдѣленія ихъ отъ церкви, долгъ общества—или постараться развить религіозное сознаніе заблуждаю-

(1) Хр. Чтен. 1863 г. ч. 1, стр. 27—96.

щихъ до того, чтобы они перестали злоупотребленія частныхъ лицъ ставить въ вину цѣлому обществу, а тѣмъ болѣе—въ вину церкви, не имѣющей въ своемъ распоряженіи средствъ къ искорененію злоупотребленій жизни гражданской и общественной, — или оставить эти обычаи, особенно, если совѣсть находитъ въ нихъ несоотвѣтствіе тѣмъ началамъ, которыя должны проникать всю жизнь и поведеніе Христіанскаго православнаго общества, — или по меньшей мѣрѣ сознаться, что не одно духовенство и власть свѣтская виноваты въ томъ, что расколъ существуетъ вотъ уже болѣе 200 лѣтъ и не только не ослабѣваетъ, но даже увеличивается въ числѣ своихъ послѣдователей, но что грѣхъ этотъ лежитъ и на всѣхъ насъ, какъ членахъ православнаго общества и сынахъ церкви. Однимъ словомъ: если православное общество искренно желаетъ уничтожить тотъ антагонизмъ, какой существуетъ между нимъ и расколомъ и который препятствуетъ Руси православной идти по пути прогресса общими, совокунными силами всѣхъ членовъ дорогаго нашего отечества, — долгъ его — принять самое живое и дѣятельное участіе въ заботахъ церкви о просвѣщеніи заблуждающихъ свѣтомъ истины и общими силами стараться объ исцѣленіи болѣзни, дурныя послѣдствія которой тяжело отзываются на всемъ тѣлѣ церкви и на всемъ организмѣ государственномъ.

И такъ въ томъ, что расколъ дожилъ до 200-лѣтняго юбилея и даже не одряхлѣлъ въ теченіе двухъ вѣковъ, больше, или меньше, мы всѣ виноваты. А если такъ, то на всѣхъ же насъ лежитъ обязанность позаботиться и о томъ, чтобы этотъ почтенный, но еще не обезсилѣвшій, старикъ пересталъ дичиться право-

славнаго общества, усвоившаго себѣ нѣкоторыя, не-
правлящіяся старикамъ, новизны, и, соединившись съ
нимъ, пошелъ одною и тою же дорогою въ жизни
церковной, государственной и общественной, привнеся
такимъ образомъ въ среду православнаго населенія
свои многомилліонныя силы, свою вѣковую опытность
и свои громадныя средства. Что же нужно сдѣлать
для этого? Отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ сложенъ,
что мы отлагаемъ его до другаго времени.